

Источник: photogenica.ru

АРБИТРАЖНАЯ РЕФОРМА И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АРБИТРАЖ

Михаил Морозов,
председатель АНО
«Центр арбитражного
разбирательства»,
старший преподаватель
Новосибирского
государственного
университета

С завершением переходного периода, в течение которого — до 1 ноября 2017 года — все арбитражные учреждения должны были получить разрешение, арбитражную реформу можно считать состоявшейся. Основными целями реформы были ликвидация злоупотреблений со стороны третейских судов и приведение российских арбитражных учреждений в соответствие с мировыми стандартами.

Фактическим результатом реформы стало исчезновение прежних третейских судов и появление на их месте постоянно действующих арбитражных учреждений (ПДАУ), которые получили разрешение правительства администрировать арбитраж. Таких учреждений осталось только четыре на всю Россию.

Чтобы понять, были ли достигнуты цели арбитражной реформы, мы проанализировали судебную статистику в Новосибирской области, где арбитраж был развит. На момент начала реформы в Сибири существовали сотни третейских судов, только в Новосибирске реально работающих арбитражей было около десятка. Примерно такая же картина наблюдалась и в других городах за Уралом: на крупный город приходилось около пяти третейских

судов, которые рассматривали в основном споры в сфере малого бизнеса.

Мы сравнили количество дел по выдаче исполнительных листов на решения третейских судов и по отмене решений третейских судов за девять месяцев прошлого года (с 1 января по 1 сентября 2017 года) и соответствующий период текущего года (с 1 января по 1 сентября 2018 года). Как нетрудно заметить, в первый период третейские суды еще имели возможность работать, во второй деятельность по администрированию была завершена.

За девять месяцев 2017 года было рассмотрено 145 дел, из них восемь отказов. За аналогичный период 2018 года было рассмотрено 61 дело, из них отказано в дальнейшем рассмотрении трех. Сопоставив эти цифры, можно увидеть падение количества дел более чем в 2,3 раза. Если сравнить показатель количества отказов в процентах от общего числа дел, то в первом периоде это 5,5%, во втором – 4,9%.

Таким образом, в процентном соотношении количество выявленных судебной системой нарушений закона не претерпело существенных изменений. Поэтому сложно сделать вывод о том, что в результате реформы улучшилось качество выносимых решений.

Кроме того, количество дел, рассмотренных в 2018 году, не является объективным показателем. Скорее всего, в дальнейшем оно будет серьезно уменьшаться. Практически во всех делах, рассмотренных государственными судами до апреля 2018 года, решения были вынесены третейскими судами до 1 ноября 2017 года. Таким образом, это остатки дореформенной деятельности. Обращает на себя внимание и тот факт, что в течение данного периода приводилось в исполнение несколько решений, вынесенных в 2016–2017 годах, которые ранее не приводились в исполнение. Такая задержка в подаче заявления на выдачу исполнительного листа сама по себе нехарактерна для третейского разбирательства и может быть отражением ситуации, когда решения выносятся задним числом. После апреля 2018 года наблюдался резкий спад числа обращений в арбитражный суд – видимо, вызванный тем, что ресурс ранее вынесенных решений подошел к концу.

Еще одним любопытным аспектом этой статистики является то, что не подано ни одного заявления на исполнение арбитражного решения, вынесенного ПДАУ, получившим разрешение на свою деятельность. Поэтому сложно согласиться с публично высказываемым мнением представителей Министерства юстиции о том, что ПДАУ, получившие разрешения, удовлетворяют региональные потребности в арбитраже. Несмотря на то что четыре оставшихся ПДАУ действительно постепенно обрастают региональной сетью отделений, пока что их филиалы появились лишь в нескольких городах и еще не стали полноценной альтернативой прежним третейским судам.

Одной из возможных причин отсутствия популярности ПДАУ в регионах является высокий размер арбитражных сборов. Ранее в региональных арбитражах крупные иски были единичны, размер большей части исков составлял около 1 млн руб. В силу этого региональные третейские суды взимали арбитражный сбор в размере около 10 тыс. руб.

Шкала минимальных арбитражных сборов у ПДАУ, получивших разрешение на деятельность после реформы, в разы больше, что делает экономически невыгодным передачу туда большей части этих споров. Поэтому даже открытие регионального отделения ПДАУ решает проблему доступности арбитража лишь в ее незначительной части – делая региональный арбитраж доступным для крупных споров, которые составляют несколько процентов от общего числа дел.

Не стоит также думать, что нишу мелких споров займет третейский суд *ad hoc*. Законодательные ограничения и высокие административные издержки делают невозможным широкое использование этой формы третейского разбирательства. Скорее всего, использование *ad hoc* закроет нишу тех самых «заказных» споров, из-за которых и началась реформа третейского разбирательства. Что подтверждается статистикой.

Так, за девять месяцев 2018 года было рассмотрено 12 заявлений на выдачу исполнительного листа по решениям *ad hoc*, что составляет 20% от общего числа заявлений. Примечательно, что решения выносились до этого малоизвестными

в третейском разбирательстве арбитрами, в подавляющем большинстве дел ответчик не занимал активной позиции и фактически признавал долг. Это свидетельствует о том, что данные арбитражные решения выносились не при наличии реального спора, а скорее для установления задолженности. Кстати, по этим решениям отказов в выдаче исполнительного листа не было, несмотря на такие странности разбирательства, как отсутствие прописанных правил арбитража и бесплатное рассмотрение спора арбитрами.

Таким образом, сегодня региональный арбитраж практически не может существовать на легальных основаниях. Ни один региональный третейский суд не сумел пройти через формальный фильтр Минюста. Прежние третейские суды пытаются задействовать механизм *ad hoc*.

Незначительная часть региональных третейских судов попробовала вернуться в сферу арбитража через открытие представительства легальных ПДАУ. В наибольшей степени в этом преуспел МКАС, опирающийся на сеть третейских судов ТПП. Успехи этих отделений пока весьма скромны (за некоторыми исключениями), что, впрочем, вполне логично, поскольку третейские суды при ТПП и ранее не демонстрировали бурного развития.

Наконец, некоторые участники споров рассматривают возможность проводить арбитраж от имени иностранного арбитражного учреждения. Ввиду близости границы с Казахстаном для регионов Сибири эта юрисдикция является наиболее предпочтительной и вполне логичной.

Отъехав на 400 км, сибиряки могут разрешить спор в среднеазиатской республике. В таком случае разбирательство не будет проводиться на территории России, а значит, и формальные поводы считать такой арбитраж внутривоссийским практически отпадут.

В качестве вывода о перспективах развития регионального арбитража можно констатировать следующее:

1. Попытки заменить деятельность региональных третейских судов при помощи создания представительств легальных ПДАУ пока не принесли существенных результатов. Институциональный арбитраж стал редким явлением, ориентированным на крупные споры, и его проникновение в регионы очень фрагментарно.
2. Мелкие третейские споры в подавляющем большинстве вновь вернулись в государственные арбитражные суды.
3. В арбитраже *ad hoc*, вероятно, останутся в основном «внутренние» споры.

Таким образом, результат реформы оказался весьма спорным: старый арбитраж практически уничтожен, а новый ему на смену не пришел.

Стало ли при этом меньше злоупотреблений в сфере российского третейского разбирательства? Сказать сложно, поскольку те, кто раньше злоупотреблял институциональным третейским разбирательством, делает то же самое в рамках арбитража *ad hoc*. А статистики по количеству злоупотреблений до и после российской арбитражной реформы как таковой нет.

Вид Новосибирска, мост через реку Обь. Источник: photogenica.ru